

Е.А. Варшавер,

канд. социол. наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, РАНХиГС, Москва.

E.A. Varshaver,

candidate of sociological sciences, head of the Group for migration and ethnicity research, senior researcher at the Center for Regional and Urban Studies, RANEPA, Moscow.

E-mail: varshavere@gmail.com

А.Л. Рочева,

канд. социол. наук, ведущий исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, РАНХиГС, Москва.

A.L. Rocheva,

candidate of sociological sciences, leading researcher of the Group for migration and ethnicity research, research fellow at the Center for Regional and Urban Studies, RANEPA, Moscow.

E-mail: anna.rocheva@gmail.com

Н.С. Иванова,

магистр социологии, исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, РАНХиГС, Москва.

N.S. Ivanova,

master of sociology, researcher of the Group for Migration and Ethnicity Research, research fellow at the Center for Regional and Urban Studies, RANEPA, Moscow.

E-mail: nataliya.ivanova.0709@gmail.com

УДК 316.4

DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-5-63-72

Второе поколение мигрантов в России в возрасте 18–30 лет: характеристики структурной интеграции¹

*Second-Generation Migrants in Russia of the Age 18–30 Years Old:
Characteristics of the Structural Integration*

Дата поступления

20.07.2017

Дата препринта

29.09.2017

Дата публикации

30.10.2017

Аннотация: в данной статье приводятся результаты сравнения уровня образования, дохода и достатка мигрантов второго поколения армянского и азербайджанского происхождения в возрасте 18–30 лет и сопоставимого населения России в целом. Данные, описывающие мигрантов второго поколения, получены в ходе онлайн-опроса методом таргетирования в социальных сетях, а данные, описывающие население России, взяты из исследования молодежи фондом «Общественное мнение»

¹ Статья написана на основании научно-исследовательской работы «Теоретико-методологические ресурсы для изучения интеграционных траекторий иностранных мигрантов второго поколения в России» в рамках государственного задания РАНХиГС на 2017 г.

в 2017 году, а также из исследования «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ НИУ ВШЭ).

Annotation: the article presents results of the comparison of the education level, income and socio-economic positions of the second generation migrants of Armenian and Azerbaijani descent aged 18–30 years old and corresponding Russian population overall. Data on second generation migrants were gathered in the course of the online-survey with targeting in social networks sites and the data describing the population of Russia, taken from the youth survey by the Fund «Public opinion» in 2017, as well as research from «Russian monitoring of economic situation and population health» (RLMS HSE).

Ключевые слова: интеграция мигрантов, армяне, азербайджанцы, онлайн-опрос.

Key words: migrant integration, Armenians, Azerbaijanis, online-survey.

Введение. Наше время характеризуется важным явлением в рамках постсоветских миграционных и интеграционных процессов. Дети мигрантов, в 90-х и начале 2000-х осевших в России, массово минули порог совершеннолетия и вышли на российские рынки профессионального образования и труда. Исследование этого, второго, поколения мигрантов в молодом взрослом (young adult) возрасте – важная научная и практическая задача, решение которой способствует как оценке потенциала российских институтов в части интеграции мигрантов, так и созданию всеобъемлющей теоретической модели интеграции второго поколения мигрантов. Масштабный исследовательский проект, совмещающий количественные (всероссийский опрос) и качественные (серия экспедиций в различные регионы России) методы и призванный описать и объяснить характеристики интеграции мигрантов второго поколения в России, был запущен в 2017 году. Придерживаясь так называемой немецкой традиции исследований интеграции мигрантов, в рамках которой принято выделять культурный, структурный, социальный и идентификационный аспекты интеграции [3; 13–16], исследователи поставили задачу показать цельную социологическую историю об этом поколении, а также, изучив опыт интеграции мигрантов второго поколения, вписать ее в мировой контекст и, таким образом, ответить на вопрос: почему в российском случае она проходит так, а не иначе?

Второе поколение мигрантов в разных странах: показатели структурной интеграции.

В статье в качестве обзора литературы будет приведено описание структурных показателей интеграции второго поколения

мигрантов в трех разных странах, указывающее на разнообразие возможных исходов структурной интеграции. В качестве примера страны, в которой мигранты второго поколения существенно превосходят немигрантское население, приведен случай Австралии, в качестве обратного примера – случай Бельгии. В качестве же случая, в котором показатели мигрантов второго поколения не отличаются от средних показателей по стране, при этом одни группы мигрантов превосходят «местных», а другие проигрывают им, приведены США. Наиболее исчерпывающей работой, посвященной структурной интеграции в Австралии, была работа 2002 года¹ [18], в которой материалом для сравнения стала перепись 1996 года. С тех пор сопоставимых по охвату работ на данную тему написано не было. На тот момент в Австралии, также в 1960-х существенно преобразившей свою миграционную политику в сторону инклюзивности [20], было 3,4 млн человек, которых можно было отнести ко второму поколению мигрантов, что составляло около 20% населения (еще 24% – это мигранты первого поколения, что доводило долю миграционного населения до 44%). Выделялось три основные группы второго поколения, каждая из которых была связана со своей миграционной волной. **Во-первых**, это непосредственно послевоенная иммиграция, основу которой составляли мигранты из Великобритании и Западной Европы, а также Новой Зеландии, **во-вторых**, это миграция 60–70-х, в которой увеличилась пропорция выходцев из Восточной и Южной Европы, **в-третьих**, это «новая» миграция 80–90-х, в которой доминировали выходцы из азиатских стран – прежде всего из Индии и Китая. Анализ был

¹ Цифры ниже приводятся на основании этого отчета.

осуществлен применительно ко второму поколению каждой волны, однако наиболее отчетливо социально-экономические результаты можно было оценить применительно ко второму поколению первой и второй волн. Прежде всего, среди «местных» в возрасте 25–34 лет лишь 19% имели диплом о высшем образовании¹, а в более старшей возрастной когорте (35–44) их доля составляла 22%. Для второго поколения в данных группах этот показатель составил 23% и 27% соответственно. Чаще же всего с дипломом о высшем образовании были мигранты второго поколения малазийского и китайского происхождения, а самые низкие показатели наблюдались у мальтийцев. Таким образом, уровень образования практически всех мигрантов второго поколения был выше, чем у сопоставимых австралийцев. Более 90% как австралийцев, так и мигрантов второго поколения участвовали в рынке труда, и между группами здесь не наблюдалось существенных различий, при этом у австралийцев показатель составлял 93%. Самый высокий показатель был зафиксирован у хорватов – 94,5%, а самый низкий – у малазийцев – 87%. Важным показателем, характеризующим успехи тех или иных групп в Австралии и напрямую связанным с доходом, является позиция на рынке труда. В возрастной когорте 25–34 лет самая большая доля менеджеров – среди китайцев (44%) и малазийцев (57%), австралийцы же занимали высшие позиции только в 24% случаев. Реже эти позиции занимали только дети мигрантов из Соединенного Королевства (21%) и с Мальты (17%). Несколько меньше разрыв между местными и большей частью групп мигрантов второго поколения был зафиксирован в когорте 35–44 лет: 32% менеджеров и профессионалов среди австралийцев, 31% – среди детей мигрантов из Соединенного Королевства, 49% – среди китайцев и 44% – среди индийцев. Таким образом, можно говорить, что на 1996 год в Австралии мигранты второго поколения существенно превосходили «местных» в части уровня образования и позиций на рынке труда. Более того, с учетом высокой

доли мигрантов из Азии в последних волнах миграции, можно предположить, что различие с 1996 года увеличилось. (С тех пор, однако, надежных исследований этой проблемы в Австралии не проводилось.)

Бельгия – пример неудачной структурной интеграции второго поколения: по уровню образования и позициям на рынке труда оно уступает не только местным сверстникам, но и первому поколению мигрантов. Составляющее 13% от населения Бельгии (чуть меньше полутора миллионов) [22, р. 1066], второе поколение – это в основном дети тех иностранцев, которые после окончания Второй мировой войны приезжали работать на предприятия тяжелой промышленности из других европейских стран, а также из Турции и стран Магриба [11, р. 10]. Кроме того, подрастающее второе поколение – это дети беженцев, в первую очередь из Черной Африки. Тем не менее, по последним данным, больше половины второго поколения в возрасте 20–44 лет имеют родителей, приехавших из 27 стран ЕС [11, р. 10]. По сравнению с местными сверстниками второе поколение хуже учится в школе, в 2 раза чаще бросает ее недоучившись [19, р. 80], и на 20–30 процентных пунктов чаще получает профессионально-техническое образование [19, р. 79]. Аналогично скромные позиции второе поколение Бельгии занимает на рынке труда. Только в 57% случаев оно трудоустроено в отличие от 81% среди их местных сверстников 20–29 лет [19, р. 85]. Вполне ожидаемо, что второе поколение уступает и по доходу: если среди жителей Бельгии 20–44 лет доход до 25 000 евро получают чуть меньше чем в 40% случаев, то среди второго поколения, чьи родители приехали из 27 стран ЕС, соответствующая доля – порядка 55%, а среди второго поколения иного происхождения таких почти 70% [11, р. 42].

В Соединенных Штатах Америки на 2006 год было около 30 млн мигрантов второго поколения [12]. Их родители приехали из Европы или Канады (35%), Мексики (29%), других стран Латинской Америки (16%), а также из Азии (18%) [12]. Из них 20 млн перешагнули порог совершенноле-

¹ Здесь и далее для Австралии показатель высчитывается для мужчин, поскольку доступные данные дезагрегированы по полу.

тия и, таким образом, доля совершеннолетних мигрантов второго поколения составила 8% взрослого населения США [12]. Согласно отчету 2013 года¹ [21] уровень образования у мигрантов второго поколения превосходил как соответствующий показатель у мигрантов первого поколения, так и средние показатели по стране: 36% мигрантов второго поколения имели диплом бакалавра и выше, в то время как у их родителей эта доля составляла 29%, а у американцев в целом – 31%. Похожие соотношения и по уровню благосостояния этих групп населения. Если годовой доход домохозяйства, возглавляемого мигрантом первого поколения, составлял 45 800 долларов, для второго поколения эта цифра составляла уже 58 100 долларов, практически не отличаясь от соответствующего показателя среднего американского домохозяйства. То есть по основным экономическим показателям мигранты второго поколения не отличаются от среднего американца, превосходя последнего в уровне образования. Второе поколение, однако, неоднородно, и в нем выделяются как группы-лидеры, существенно превосходящие средние показатели по стране, так и группы-аутсайдеры. К примеру, наиболее успешными были дети мигрантов из азиатских стран, прежде всего из Китая и Индии. К группам-аутсайдерам относятся испаноязычные мигранты второго поколения. Вместе с этим как азиатское, так и испаноязычное второе поколение по основным параметрам превосходило соответствующее первое поколение.

Каковы показатели структурной интеграции мигрантов второго поколения в России и какое место она занимает среди прочих принимающих стран? Прежде чем переходить к обсуждению результатов исследования, коротко охарактеризуем его методологию.

Методология исследования. Сбор данных для этого этапа исследования проводился методом интернет-опроса, достижение респондентов осуществлялось процедурой таргетинга в социальных сетях, сравнение проводилось с двумя всероссийскими опросами – 25 волной российского мониторин-

га экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ) [9] и опросом молодежи фонда «Общественное мнение» [10]. Опрос второго поколения проводился в мае 2017 года в четырех социальных сетях: «ВКонтакте», «Одноклассники», «Фейсбук» и «Инстаграм». Для каждой социальной сети создавались рекламные посты со ссылкой на размещенную на платформе SurveyMonkey анкету. В «Одноклассниках» и «ВКонтакте» пользователи таргетировались по участию в группах, связанных с Арменией/Азербайджаном, а в «Фейсбуке» и «Инстаграме» по интересам, которые также были связаны с этими странами. В случае опроса представителей второго поколения, которые уже окончили школу, интернет-опрос через социальные сети предоставляет возможность максимального охвата: российская молодежь активно пользуется этими технологиями. По данным ФОМ, 83% молодежи 18–30 лет пользовались Интернетом в последние сутки, а 72% – пользовались Интернетом для общения в социальных сетях [7]. Тем не менее, этот метод имеет ограничения, в первую очередь связанные со смещениями выборки из-за таргетирования участников армянских/азербайджанских групп². Для определения *социально-экономической позиции* респондента использовались вопросы о материальном положении семьи и личный доход в предыдущем месяце. Для характеристики позиции респондента на рынке труда использовались три открытых вопроса, в которых респондентов попросили назвать свою профессию, должность и основные обязанности. Ответы на эти вопросы кодировались в соответствии с Международным классификатором профессий ISCO-08 [6; 17]. Уровень получаемого образования анализировался отдельно для учащихся (получаемое образование) и отдельно для возрастной группы 24–30 лет (полученное образование). В *специальный массив данных* были помещены результаты проведенного опроса, а также данные РМЭЗ и ФОМ наряду с социально-демографическими характеристиками, описывающие достаток и доход информантов в возрасте 18–30 лет и их семей, а также характеристики их – полученного или

¹ Цифры по США приводятся на основании этого отчета.

² Более подробно об ограничениях выборки см. [4].

Личный доход респондентов (мигранты второго поколения – россияне ФОМ)

Сравниваемые	Н мигранты	Среднее мигранты	Стандартная ошибка мигранты	Н россияне	Среднее россияне	Стандартная ошибка россияне	Разница	Значимость разницы
Все	218	29243	2027	1456	18414	451	10829	<0,001
Работающие	126	36420	2542	907	25670	535	10750	<0,001
Работающие в Москве и области	33	51000	6632	120	37060	1755	13030	<0,05
Работающие в других регионах	93	31247	2314	787	23933	530	7314	<0,01
Работающие мужчины	63	46301	4136	492	29176	796	17124	<0,001
Работающие женщины	63	26539	2408	415	21512	635	5026	<0,05

получаемого – образования. Для лучшего сопоставления с интернет-выборкой мигрантов второго поколения было решено включить в анализ только тех респондентов, которые пользовались Интернетом в последние сутки (ФОМ, 83% от всех опрошенных) или состоят в одной из трех («Фейсбук», «ВКонтакте», «Одноклассники») социальных сетей (РМЭЗ, 82% от всех опрошенных). В результате в анализ вошли 1584 респондентов РМЭЗ, 1246 респондентов ФОМ и 260 респондентов опроса второго поколения.

Результаты исследования. Личный доход россиян в целом и мигрантов второго поколения отличается в пользу последних. Эти результаты устойчивы – в зависимости от сопоставляемых групп меняется только величина разрыва. Так, если проводить сравнение всех включенных в вычисление, мигранты второго поколения в среднем получают 29 243 рубля, россияне – 18 414 (разрыв составляет 10 829 рублей). Доход работающих ожидаемо больше (мигранты второго поколения получают 36 420 рублей, а россияне в целом – 25 670 рублей), однако разрыв остается практически неизменным и составляет 10 750 рублей. В Москве доход респондентов больше, чем в целом по России (51 000 рублей и 37 060 рублей соот-

ветственно), но вместе с ним растет и разрыв – 13 939 рублей. В регионах разрыв меньше (7314 рублей). Кроме того, важно, что мужчины в обеих выборках получают больше, чем женщины, но и разрыв между мужчинами-мигрантами второго поколения и мужчинами-россиянами больше, чем между женщинами из этих двух групп (табл. 1).

Аналогичная картина прослеживается на основании исследования личного дохода, представленного в виде интервалов (и позволяющего включить в вычисления данные из РМЭЗ). От 17% до 22% россиян (согласно исследованиям РМЭЗ и ФОМ соответственно) в этом возрасте не имеют дохода, в случае же мигрантов второго поколения эта цифра немного ниже (15%). При этом их также больше среди тех, кто получает от 10 тысяч до 20 тысяч, и среди высокодоходных (45 000 и более) групп (рис. 1).

Стандартная шкала уровня достатка респондента или его семьи¹ тоже указывает на более высокий достаток мигрантов второго поколения (рис. 2).

Различаются характеристики занятий работающих респондентов, выделенных на ос-

¹ Несмотря на инструкции, данные в устной форме в ходе опроса ФОМа и в письменной – в ходе опроса 2 поколения, точно неизвестно, как именно респондент понял соответствующий вопрос, в частности – как он интерпретировал понятие «семья».

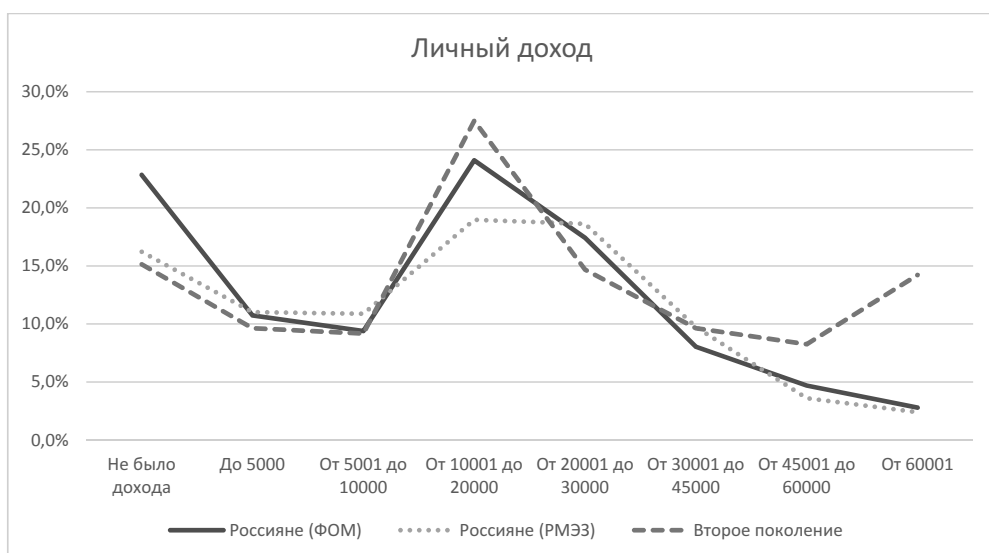

Рис. 1. Личный доход респондентов – интервалы, Хи-квадрат = 177,326***

Рис. 2. Уровень достатка респондента или его семьи

новании Международного классификатора профессий ISCO-08 (табл. 2). Среди мигрантов второго поколения больше белых воротничков, а также руководителей (15–8% и 12–3% соответственно). В последнем случае, скорее всего, речь идет о собственном бизнесе. Россиян, напротив, больше среди синих воротничков – квалифицированных рабочих, занятых ручным трудом (6–13%) и использующих машины и механизмы (5–10%).

Ожидается, в связи с этим, отличается уровень образования мигрантов второго поколе-

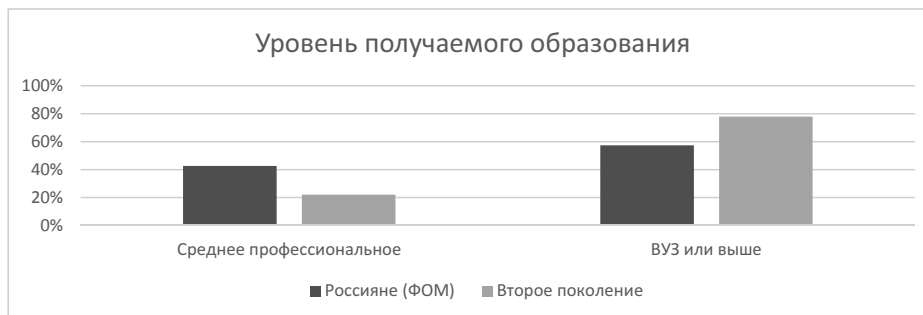
ния и россиян в целом (рис. 3, рис. 4). Если на уровне школьного образования остается практически равная небольшая доля представителей как первой (14%), так и второй группы (15% ФОМ, 18% РМЭЗ), то в части профессионального образования есть существенные различия. Мигранты второго поколения крайне редко идут получать начальное (ранее) или среднее профессиональное образование, при этом если среди мигрантов второго поколения в возрасте 24–30 лет 71% имеют высшее образование, таковых среди россиян в целом около 42%. Получают же в данный

Занятие работающих респондентов (ISCO-08)
(Хи-квадрат = 40,060***)

	Второе поколение	Россияне (РМЭЗ)
Законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена	12% (16)	3% (29)
Специалисты высшего уровня квалификации	17% (22)	19% (195)
Специалисты среднего уровня квалификации, чиновники	26% (32)	22% (225)
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	15% (19)	8% (84)
Работники сферы торговли и услуг	18% (23)	20% (198)
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	6% (8)	13% (128)
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	5% (6)	10% (103)
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	3% (4)	4% (44)
	130	1006

Рис. 3. Уровень полученного образования (24–30 лет), Хи-квадрат = 124,777***

Рис. 4. Уровень получаемого образования (учащиеся), Хи-квадрат = 18,108***

момент высшее образование 78% мигрантов второго поколения и лишь 57% учащихся россиян в возрасте от 18 до 30 лет.

Можно, таким образом, говорить о том, что мигранты второго поколения в сравнении с сопоставимыми россиянами в целом получают лучшее образование, больше представлены среди руководителей и белых воротничков и больше зарабатывают.

Выводы. Второе поколение этнических мигрантов в России, преимущественно происходящих из Армении и Азербайджана, характеризуется высокими показателями в части образования, позиций на рынке труда, дохода и достатка, более того, эти показатели существенно превосходят соответствующие показатели у среднего россиянина соответствующего возраста. Если говорить о странах, то российский случай

ближе к австралийскому – наиболее успешному в части интеграции второго поколения из описанных. В то же время приведенные результаты имеют свои ограничения. Кроме того, так как исследование имеет статус пилотного, нужно отметить, что в анализ вошли лишь две самые многочисленные и «старые» группы [1; 5], относящиеся ко второму поколению. Между тем среди взрослого второго поколения есть и другие группы, в частности, имеющие среднеазиатское происхождение, показатели структурной интеграции которых могут существенно отличаться от соответствующих показателей у закавказских групп. Тем не менее результаты собранного материала показывают, что на данный момент выросшее второе поколение мигрантов в России вполне успешно в части структурной интеграции.

Список литературы

1. Александров Д.А., Иванюшина В.А., Казарцева Е.В. Этнический состав школ и миграционный статус школьников в России // Вопросы образования. 2015. № 2.
2. Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Вглядываясь в «этническое» сообщество: отличия характеристик интеграции в «земляческо-родственные» и «национальные» круги (на примере мигрантов из Кыргызстана в Москве) // Социальная политика и социология. Т. 14. 2015. № 3-1 (109). С. 24–37.
3. Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики. Т. 14. 2016. № 3. С. 315–330.
4. Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов второго поколения в Москве в возрасте 18–30 лет: первые результаты исследовательского проекта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017.
5. Всероссийская перепись населения 2010 года / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 22.09.2017).
6. Классификаторы профессий ISCO / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/r/ms/isco> (дата обращения: 22.09.2017).
7. Опрос молодежи: досуговые и интернет-практики. Как молодежь проводит свободное время? / Фонд «Общественное мнение». 2016. 15 нояб. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/13103> (дата обращения: 20.09.2017).
8. Осадчая Г.И., Юдина Т.Н. Теоретико-методологические основы социологического анализа образа жизни мигрантов из стран Евразийского экономического союза в России // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 6 (119). С. 120–127.
9. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2017. URL: <https://www.hse.ru/r/ms/> (дата обращения: 22.09.2017).
10. Фонд «Общественное мнение» / ФОМ. 2017. URL: <http://fom.ru/> (дата обращения: 22.09.2017).
11. Corluy V., Haemels J., Marx I., Verbist G. The labour market position of second-generation immigrants in Belgium // Governor of the National Bank of Belgium. Working Paper Research. 2015. No. 285.
12. Dixon D. The Second Generation in the United States // Migration Policy Institute. 2016. Oct. 1. URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/second-generation-united-states#1> (date of access: 20.09.2017).

13. Esser H. *Integration und Ethnische Schichtung*. Mannheim: Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung, 2001.
14. Esser H. Does the 'New' Immigration Require a 'New' Theory of Intergenerational Integration? // *International Migration Review*. 2004. Vol. 38. No. 3. P. 1126–1159.
15. Heckmann F., Bosswick W. *Integration and Integration Policies*. Bamberg: European Forum for Migration Studies, 2005.
16. Heckmann F., Schnapper D. (eds.) *The Integration of Immigrants in European Societies: National Differences and Trends of Convergence*. Stuttgart: Lucius & Lucius, 2003.
17. ISCO – International Standard Classification of Occupations // International Labour Organization. URL: <http://www.ilo.org/public/english/bureau/stat/isco/isco08/> (date of access: 22.09.2017).
18. Khoo S.E., McDonald P., Giorgas D. *Second Generation Australians* // Canberra, Australian Capital Territory: Department of Immigration and Multicultural and Indigenous Affairs, 2002.
19. *Labour Market Integration in Belgium, France, the Netherlands and Portugal. Jobs for Immigrants* // OECD. 2008. Vol. 2. Nov. 3.
20. Ozdowski S. Australian multiculturalism. The roots of its success // *Third International Conference on Human Rights Education: 'Promoting Change in Times of Transition and Crisis' / The Jagiellonian University in Krakow (Poland, 6–10 December, 2012)*. Krakow, 2012.
21. *Second-generation Americans: A portrait of the adult children of immigrants*. Washington, DC: Pew Research Center, 2013. URL: <http://www.pewsocialtrends.org/2013/02/07/second-generation-americans/> (date of access: 20.09.2017).
22. Timmerman C., Vandevaeren E., Crul M. *The Second Generation in Belgium* // *IMR*. 2003. Vol. 37. No. 4. P. 1065–1090.

References

1. Aleksandrov D.A., Ivanyushina V.A., Kazarceva E.V. Etnicheskij sostav shkol i migracionnyj status shkol'nikov v Rossii // *Voprosy obrazovaniya*. 2015. № 2.
2. Varshaver E.A., Rocheva A.L. Vglyadyvayas' v «etnicheskoe» soobshchestvo: otlichiya kharakteristik integracii v «zemlyachesko-rodstvennye» i «nacional'nye» krugi (na primere migrantov iz Kyrgyzstana v Moskve) // *Social'naya politika i sociologiya*. T. 14. 2015. № 3-1 (109). S. 24–37.
3. Varshaver E.A., Rocheva A.L. Integraciya migrantov: chto eto i kakuyu rol' v ee osushchestvlenii mozhet igrat' gosudarstvo // *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*. T. 14. 2016. № 3. S. 315–330.
4. Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. Integraciya migrantov vtorogo pokoleniya v Moskve v vozraste 18–30 let: pervye rezul'taty issledovatel'skogo proekta // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2017.
5. *Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010 goda / Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki*. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (data obrashcheniya: 22.09.2017).
6. *Klassifikatory professij ISCO / Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki»*. URL: <https://www.hse.ru/rlms/isco> (data obrashcheniya: 22.09.2017).
7. *Opros molodezhi: dosugovye i internet-praktiki. Kak molodezh' provodit svobodnoe vremya?* / Fond «Obshchestvennoe mnenie». 2016. 15 noyab. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/13103> (data obrashcheniya: 20.09.2017).
8. Osadchaya G.I., Yudina T.N. Teoretiko-metodologicheskie osnovy sociologicheskogo analiza obraza zhizni migrantov iz stran Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza v Rossii // *Social'naya politika i sociologiya*. T. 15. 2016. № 6 (119). S. 120–127.
9. *Rossijskij monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya / Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki»*. 2017. URL: <https://www.hse.ru/rlms/> (data obrashcheniya: 22.09.2017).
10. *Fond «Obshchestvennoe mnenie» / FOM*. 2017. URL: <http://fom.ru/> (data obrashcheniya: 22.09.2017).
11. Corluy V., Haemels J., Marx I., Verbist G. *The labour market position of second-generation immigrants in Belgium* // *Governor of the National Bank of Belgium. Working Paper Research*. 2015. No. 285.
12. Dixon D. *The Second Generation in the United States* // *Migration Policy Institute*. 2016. Oct. 1. URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/second-generation-united-states#1> (date of access: 20.09.2017).

13. Esser H. Integration und Ethnische Schichtung. Mannheim: Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung, 2001.
14. Esser H. Does the 'New' Immigration Require a 'New' Theory of Intergenerational Integration? // *International Migration Review*. 2004. Vol. 38. No. 3. P. 1126–1159.
15. Heckmann F., Bosswick W. Integration and Integration Policies. Bamberg: European Forum for Migration Studies, 2005.
16. Heckmann F., Schnapper D. (eds.) The Integration of Immigrants in European Societies: National Differences and Trends of Convergence. Stuttgart: Lucius & Lucius, 2003.
17. ISCO – International Standard Classification of Occupations // International Labour Organization. URL: <http://www.ilo.org/public/english/bureau/stat/isco/isco08/> (date of access: 22.09.2017).
18. Khoo S.E., McDonald P., Giorgas D. Second Generation Australians // Canberra, Australian Capital Territory: Department of Immigration and Multicultural and Indigenous Affairs, 2002.
19. Labour Market Integration in Belgium, France, the Netherlands and Portugal. Jobs for Immigrants // OECD. 2008. Vol. 2. Nov. 3.
20. Ozdowski S. Australian multiculturalism. The roots of its success // Third International Conference on Human Rights Education: 'Promoting Change in Times of Transition and Crisis' / The Jagiellonian University in Krakow (Poland, 6–10 December, 2012). Krakow, 2012.
21. Second-generation Americans: A portrait of the adult children of immigrants. Washington, DC: Pew Research Center, 2013. URL: <http://www.pewsocialtrends.org/2013/02/07/second-generation-americans/> (date of access: 20.09.2017).
22. Timmerman C., Vandenvaeren E., Crul M. The Second Generation in Belgium // *IMR*. 2003. Vol. 37. No. 4. P. 1065–1090.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Второе поколение мигрантов в России в возрасте 18–30 лет: характеристики структурной интеграции // *Социальная политика и социология*. Т. 16. 2017. № 5 (124). С. 63–72. DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-5-63-72 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. Vtoroe pokolenie migrantov v Rossii v vozraste 18–30 let: kharakteristiki strukturnoj integracii // *Social'naya politika i sociologiya*. Т. 16. 2017. № 5 (124). С. 63–72. DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-5-63-72 (Reference in Roman script).

Varshaver, E.A., Rocheva, A.L. & Ivanova, N.S. (2017) Second-Generation Migrants in Russia of the Age 18–30 Years Old: Characteristics of the Structural Integration, *Social Policy and Sociology*. Vol. 16. No. 5 (124). P. 63–72. DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-5-63-72 (International bibliographic description).